

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2017
XXVI**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1502
EXPRESS-ISSUE

2017 № 1502

СОДЕРЖАНИЕ

- 3989-3992 Виктор Александрович Тюкин (1884-1962) – казначей Русского орнитологического комитета, эмигрант и церковный староста Тегеля. Е. Э. ШЕРГАЛИН
- 3993-4003 Южный *Luscinia megarhynchos* и обыкновенный *L. luscinia* соловьи в Западном Тянь-Шане. Е. С. ЧАЛИКОВА
- 4004-4012 Заметки по экологии и поведению топорка *Lunda cirrhata*. Э. А. МИХТАРЬЯНЦ
- 4013-4017 Материалы по изучению японского свиристеля *Bombycilla japonica*. В. В. ЛЕОНОВИЧ
- 4017-4019 Негативная роль сороки *Pica pica* в авифауне Алматы. Ф. Ф. КАРПОВ
- 4019-4020 Встреча савки *Oxyura leucoserphala* в окрестностях Петропавловска. В. А. КОВШАРЬ
- 4020-4021 Случаи отлова желтолобой трясогузки *Motacilla lutea* и певчего сверчка *Locustella certhiola* на озере Чаны (юг Западной Сибири). В. М. ЧЕРНЫШОВ
- 4021 Зимняя инвазия рябинника *Turdus pilaris* в Новосибирске. В. С. ЖУКОВ, Ю. В. БОБКОВ, Ю. С. РАВКИН
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2017 № 1502

CONTENTS

- 3989-3992 Viktor Alexandrovich Tyukin (1884-1962) - Treasurer of the Russian Ornithological Committee, emigrant and church elder in Tegel. E. E. SHERGALIN
- 3993-4003 The common *Luscinia megarhynchos* and the thrush *L. luscinia* nightingales in the Western Tien Shan. E. S. CHALIKOVA
- 4004-4012 Notes on the ecology and behavior of the tufted puffin *Lunda cirrhata*. E. A. MIKHTARIANTS
- 4013-4017 Materials on the study of Japanese waxwing *Bombycilla japonica*. V. V. LEONOVICH
- 4017-4019 Negative role of the magpie *Pica pica* in the avifauna of Almaty. F. F. KARP OV
- 4019-4020 The record of the *Oxyura leucocephala* in the vicinity of Petropavlovsk. V. A. KOVSHAR
- 4020-4021 Cases of catching of the yellow-headed wagtail *Motacilla lutea* and the Pallas's grasshopper warbler *Locustella certhiola* on Lake Chany (south of Western Siberia). V. M. CHERNYSHOV
- 4021 Winter invasion of the fieldfare *Turdus pilaris* in Novosibirsk. V. S. ZHUKOV, Yu. V. BOBKOV, Yu. S. RAVKIN
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Виктор Александрович Тюкин (1884-1962) – казначей Русского орнитологического комитета, эмигрант и церковный староста Тегеля

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбирское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 15 августа 2017

До недавних пор оставалось совершенно неизвестной судьба казначея Русского орнитологического комитета – Виктора Александровича Тюкина. Кем же он был?

Виктор Александрович Тюкин родился 30 октября 1884 года в семье статского советника, директора Московской ссудной казны Александра Михайловича Тюкина (Алфавитный указатель... 1901). Его дети пошли по стопам отца и стали банковскими служащими. Один из их родственников – Тимофей Викторович Тюкин, проживавший в 1917 году за Покровской заставой, был заведующим Ветеринарно-санитарной станцией и был ветеринарным помощником заведующего Московской городской управой (Алфавитный указатель... 1917). Не исключено, что благодаря именно этой родственной связи Виктор Александрович и оказался казначеем в РОКе.

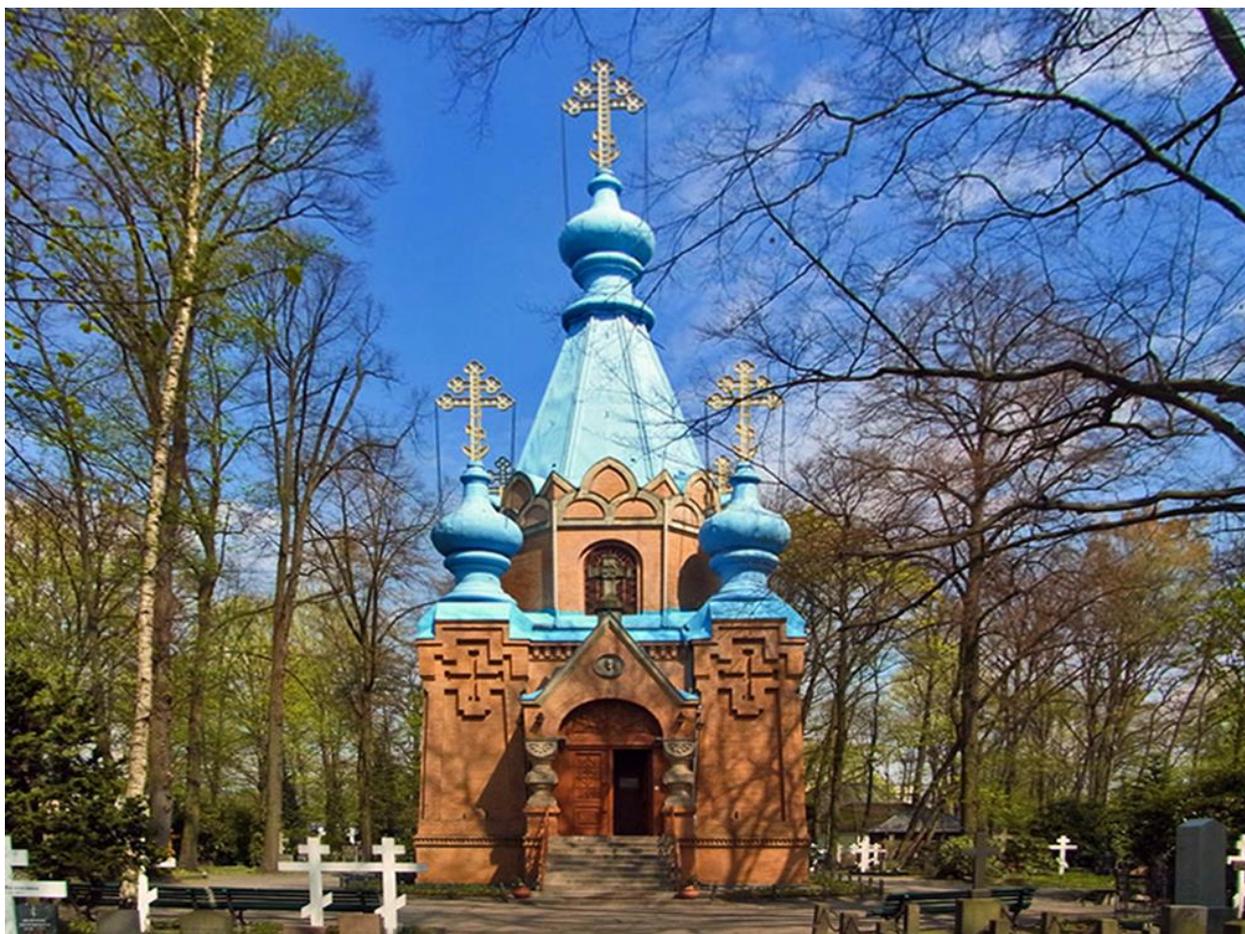
Родной брат Виктора – Леонид Александрович Тюкин (1889-1958) – также трудился в банковской сфере (Новое Русское Слово 1958). В 1912 году он служил помощником бухгалтера Московской конторы Государственного банка. Его прах покоится на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем (Grezine 1995).

Во время работы казначеем в Русском орнитологическом комитете Виктор Александрович Тюкин служил в Московском купеческом банке на Ильинке и параллельно занимался широкой общественной и благотворительной деятельностью. Например, он состоял членом попечительского совета Усачевско-Чернявского училища. Вот что писала «Московская газета» в марте 1914 года.

«Вчера в Купеческом собрании состоялся интересный благотворительный вечер, устроенный московским попечительным комитетом Императорского человеколюбивого общества в пользу недостаточных учениц Усачевско-Чернявского училища, учеников Набилковского коммерческого училища и на нужды начальных школ комитета. Кружком любителей при участии артистки Е.И.Юдиной были сыграны: изящная комедия А.Додэ «Лилия» и старинная весёлая комедия «Медведь сосватал». С большим вкусом и художественностью представлены были пластические танцы в постановке и при участии И.Чернецкой, в за-

ключение пел цыганский хор из «Стрельны». Главными организаторами вечера были: Л.Р.Свечина, И.Н.Тюкина, В.К.Морозова, В.А.Тюкин, С.А.Морозов и другие. У лотерейных касс продажи цветов, шампанского, программ, чая и т.п. были: (далее следует перечень фамилий)».

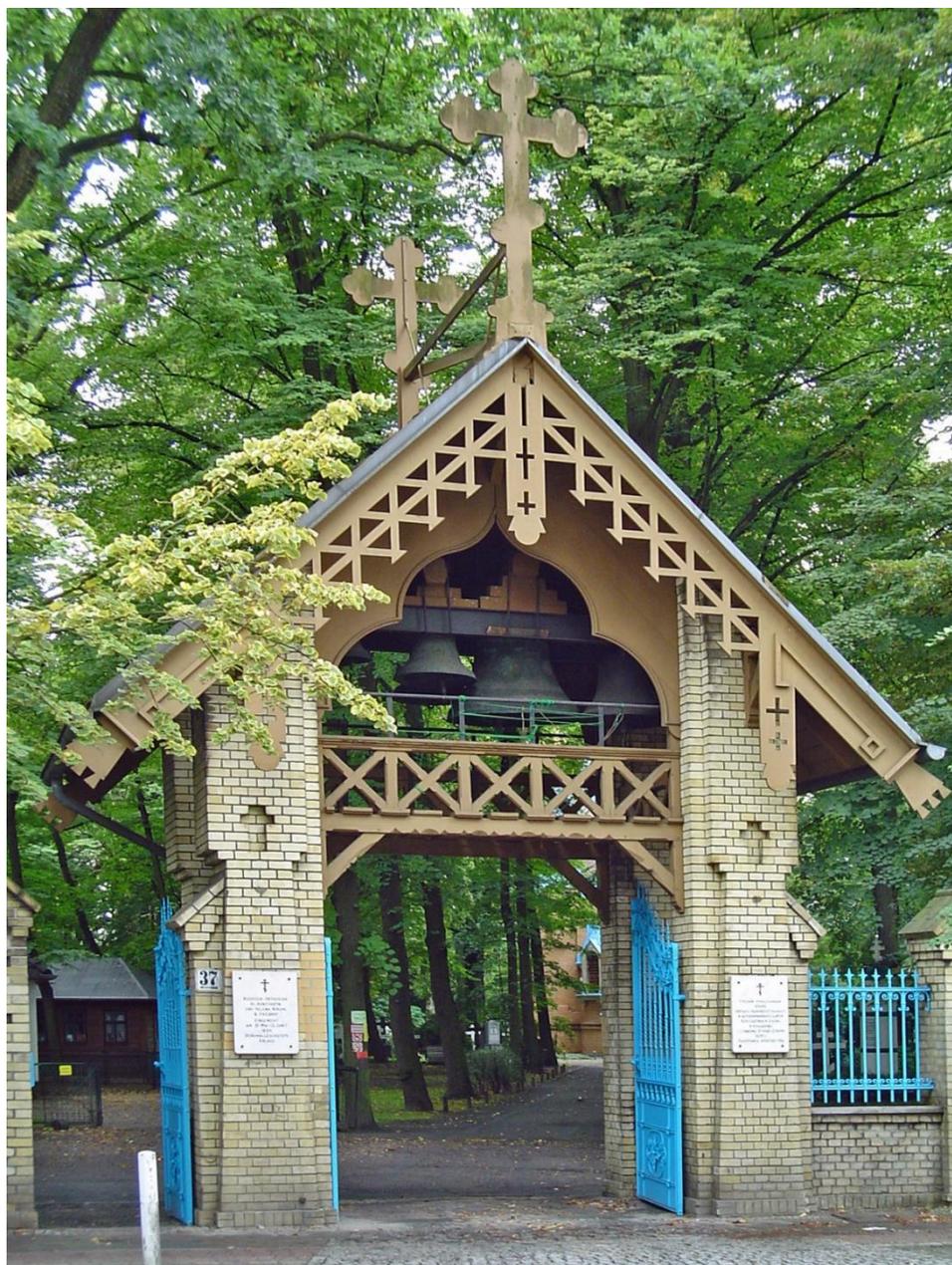
Ужасы Гражданской войны заставили Виктора Александровича бежать из России. Он оказался в Германии, где долгое время прослужил церковным старостой при русском православном храме Святых Равноапостольных Константина и Елены в центре кладбище в Тегеле, что в пригороде Берлина. Он много трудился во благо православной общины Берлина и поддержанием храма в рабочем состоянии. Вот одно из свидетельств тому. Протоиерей А.Закидальский в газете «Голос» № 4 в 1952 году писал: «Дружно и мирно работает при храме Приходской Совет. Особенно усердно трудились и трудятся для церкви и прихода: церковный староста В.А.Тюкин, юрисконсульт Прихода и член Приходского совета д-р Б.А.Петкович, председатель ревизионной комиссии Б.В.Андреев и член Приходского совета Г.Г.Римкейт».

Храм Святых Равноапостольных Константина и Елены на кладбище Тегель (Берлин), где многие годы проработал церковным старостой Виктор Александрович Тюкин.

А вот ещё одно свидетельство его подвижничества: «Выражая благодарность за эту помощь, настоятель храма прот. Виктор Костин, церковный староста Виктор Тюкин и прихожане прислали Святейшему

Патриарху Алексию грамоту, в которой сказано: “Ваше Святейшество! Благоволите принять от Тегельского православного прихода в Берлине, во главе с настоятелем храма и приходским советом, глубокую благодарность за оказанную Вами широкую помощь к обновлению пришедшего в ветхость нашего храма, во имя святых равноапостольных царей Константина и Елены”».

Вход на кладбище Тегель в Берлине.

Виктор Александрович Тюкин скончался на 78 году жизни 1 января 1962 года и похоронен вместе со своей супругой Меланьей Тюкиной (1895-1972), урождённой Бютнер, в одной могиле на этом же кладбище в Тегеле. На этом старом, заросшем густыми высокими деревьями русском кладбище весной и летом всегда поют птицы. Низкий поклон ему за работу во благо птиц России.

Могила Виктора и Меланьи Тюкиных на кладбище Тегель в Берлине.

Автор выражает благодарность П.В.Квартальному (Москва), И.Ж.Франкьену (Сан-Франциско) за помощь в работе над данным сообщением.

Литература

- Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и её пригородов.* 1901. М.: 454.
Алфавитный указатель жителей Москвы, их занятий и адресов. 1917. М.: 497.
Тюкин Леонид Александрович (22.06.1889–22.12.1958) // *Новое Русское Слово*. Нью-Йорк, 1958, 28 дек. № 16719.
Grezine I. 1995. *Inventaire Nominatif des Sulpures Russes du Cimetiere de Ste-Genevieve-des-Bois*. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж: 1-458.

Южный *Luscinia megarhynchos* и обыкновенный *L. luscinia* соловьи в Западном Тянь-Шане

Е.С. Чаликова

Елена Сергеевна Чаликова. Мензбировское орнитологическое общество. Село Жабагылы, Южно-Казахстанская область, 161310, Казахстан. E-mail: e.chalikova@mail.ru

Поступила в редакцию 11 августа 2017

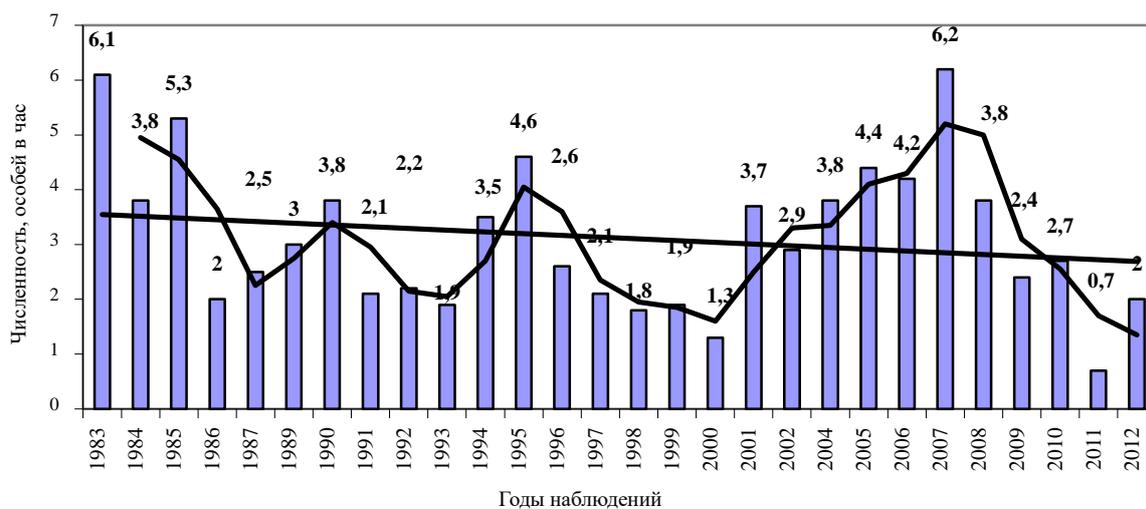
Южный соловей *Luscinia megarhynchos* – многочисленный гнездящийся вид Западного Тянь-Шаня, а обыкновенный соловей *Luscinia luscinia* встречается здесь только на пролёте.

Южный соловей *Luscinia megarhynchos hafizi* Severtzov, 1873

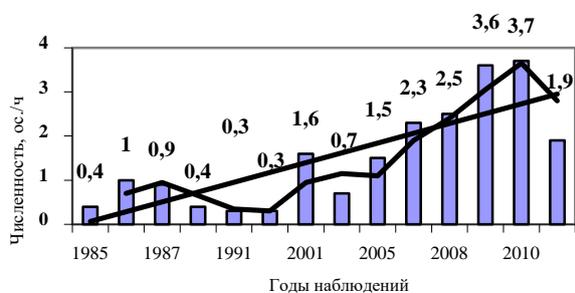
По Западному Тянь-Шаню южный соловей многочислен и распространён широко. В Таласском Алатау он вплоть до 1980-х годов был обычен и многочислен в горном тугае, яблочнике, садах, населённых пунктах предгорий и гораздо реже встречался в арчовом лесу. Позже он исчез из садов предгорий и сёл, и вновь появился в первых в конце XX века (1999 год – предгорная степь между селом Жабагылы и ущельем Талдыбулак, рис. 1), а в населённых пунктах – в 2010-х годах (2015 – село Жабагылы). В 1980-е годы южный соловей был обычен по тугайным зарослям и арчовым лесам, заросшим лиственным кустарником. В 1990-е годы число гнездящихся пар в арчовых лесах Кши-Каинды в 1.5 раза превышало такое же в лиственном тугае ущелья Талдыбулак (в среднем 2.5 и 1.7 особей в час) и хотя в 2000-е годы и там и там численность вида увеличилась, её соотношение осталось прежним (3.7 и 2.4 ос./ч). Однако самым многочисленным этот соловей всегда был и остаётся в яблонево-арчовом лесу каньона Аксу (от 2.2 ос./ч в 1986 году до 12.5 в 2008, рис. 1).

На непостоянство числа гнездящихся соловьёв в разные годы обратил внимание В.В.Шевченко (1948). В дальнейшем выяснилось, что оно характерно и в масштабе десятилетий. По результатам учётов в ущелье Кши-Каинды в 1980-е и в 2000-е годы соловья было в 1.6 раза больше, чем в 1990-е (3.8, 3.8 и 2.4 ос./ч соответственно). Резкое снижение численности вида более чем в 2.5 раза отмечено в 1985-1986 годах (с 5.3 до 2.0, рис. 1), причём падение продолжилось до 1994 года (3.8), а на следующий год (4.6) лишь приблизилось к показателю 1985. Новая депрессия численности последовала в 1996 году и продлилась до 2001 года (3.7), за которым постепенный рост численности шёл до 2007 (6.2) и достиг уровня 1983 (6.1 ос./ч) через 24 года. Новый виток депрессии,

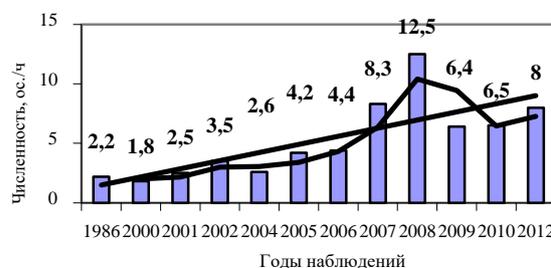
начавшийся в 2008 году (перепад в 1.6 раз), через 4 года привёл к самому низкому показателю за все 30 лет наблюдений – 0.7 ос./ч.

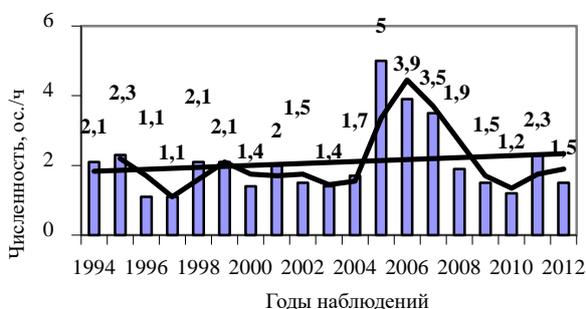
Арчовый лес ущелья Кши-Кайнды

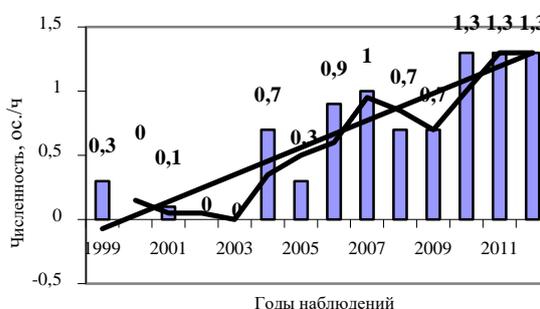
Арчовый лес урочища Чуулдак

Яблонево-арчовый лес каньона Аксу

Тугайный лес ущелья Талдыбулак

Предгорная степь между селом Жабгагылы и ущельем Талдыбулак

Рис. 1. Динамика численности южного соловья *Luscinia megarhynchos* в Таласском Алатау (май-июнь).

Интересное сравнение получено по отдельным ущельям долины реки Джабагылы в 1972 году (Губин 2012) и позже. Так, в смешанном берёзово-арчовом лесу по долине реки Кши-Кайнды выше водопада в 1986, 1987, 2001, 2002, 2006 и 2009 годах гнездилась одна пара южного соловья; в 2004, 2005, 2008, 2010 и 2011 – две; в 1972, 1985, 2007 – 3-4, а в 1999, 2013 и 2014 годах – ни одной. В лиственном лесу по долине реки Джетымсай от устья до одноимённого озера в 2000 и 2009 годах отмечена одна пара, в 1987, 2005 и 2006 – две, в 1972, 1986, 2000,

2004, 2007, 2008 и 2010-2012 – три пары. По тугаям реки Улькен-Каинды 16 мая 1972 до высоты 2000 м над уровнем моря слышали 8 самцов, в 2001, 2006 и 2009 – одного, в 2007 и 2010 – двух, в 2008 – трёх, а в 1999 и 2005 годах – ни одного.

Рис. 2. Южный соловей *Luscinia megarhynchos bafizi*. Село Жабаглы.
28 мая 2015. Фото Е.М.Белоусова.

Замечено, что колебания численности южного соловья одновременно идут как в разных районах Таласского Алатау, так и в разных биотопах. Так, например, в 1996 году по сравнению с 1995 меньше соловьёв было в тугайном лесу ущелья Талдыбулак (1.1 и 2.3 ос./ч) и в арчовом – Кши-Каинды (2.6 и 4.6, рис. 1), то же повторилось и в 2007-2008 годах (3.5-1.9 и 6.2-3.8). Трижды там же одновременно наблюдали

стабилизацию численности (1996-1997, 1998-1999 и 2009-2010). В 2009-2010 годах она отмечена и в арчовом лесу урочища Чуулдак. Снижение численности там же, а также в лиственном лесу ущелья Талдыбулак и в арчовом – Кши-Каинды шло в 2001-2002 годах (соответственно в 2.3, 1.3 и 1.3 раза). В целом же за 15-30 лет наблюдений численность вида в яблонево-арчовом лесу каньона Аксу, в арчовом – Чуулдак и в садах между селом Жабагылы и ущельем Талдыбулак росла, а на других участках в целом была стабильна (рис. 1).

Изменчива численность южного соловья и на низкогорных участках Таласского Алатау: верховья реки Ирсу – 3.3, 1.5, 4.0 и 2.0 ос./ч в 2003, 2005, 2008 и 2009 годы; хребет Алатау – 1.0, 0.6 и 1.0 в 2003, 2007 и 2008; верховьях реки Машат – 1.3, 0.9 и 2.8 в 2003, 2007 и 2008; ущелье Байтаносай – 1.5, 1.5 и 0.4 в 2005, 2006 и 2009; урочище Аршалы – 1.3, 0.4 и 1.0 в 2007-2008; ручей Тобылбулак – 1.0 и 0.0 в 2008 и 2009. В ущелье Боранчи с 2004 по 2009 год песню самца слышали только в первые два и последний год.

В середине XX века южный соловей в огромном количестве населял сады и населённые пункты Западного Тянь-Шаня «ничуть не стесняясь присутствия человека» (Корелов 1956). В этот же период он был обычен в Чаткальском заповеднике (Железняков, Колесников 1958), в середине 1970-х – на Кураминском, Чаткальском и Пскемском хребте, а по долинам крупных рек – наиболее многочислен (Митропольский и др. 1981). В начале июля 1994 года южный соловей ни разу не попал в учёт, проводимый в лиственных и арчовых лесах Чаткальского заповедника, хотя его слышали в другое время (Лановенко 1997). Здесь же в июле 2002 года его численность не превышала 0.7 ос./ч (Митропольский 2005). В последний год он был обычен и в долине реки Пскем (Ковшарь 2003). Летом 2003 года вид отмечен повсеместно в Каржантау, Угамском хребте, на Казгурте и был наиболее многочислен в нижней части арчового леса ущелья Наут (6.4 ос./ч), по тугаю и лиственным посадкам ущелий Каскасу (4.6) и Бадам (5.4), обычным – в боярышниковых лесах ущелья Акмечеть (1.9) и в арчовых лесах по северному склону Каржантау в районе полевой дороги Абай–Угам (1.1), редким – в боярышнике северного склона Казгурт (0.3). Совершенно отсутствовал он в густом боярышниковом лесу урочища Дунгузтараксай, а также в садах и населённых пунктах предгорий. Единственное место, где его слышали в конце мая – село Блинково. Впрочем, исчезновение вида из населённых пунктов предгорий и окружающих их садов замечено по всему Западному Тянь-Шаню, что связывают с увеличением антропогенной нагрузки (Митропольский 2002). С 1980-х годов южный соловей не гнездился в городе Чимкенте, где он был обычен в 1930-е годы (Шульпин 1965). Однако с закладкой в 1980 году дендропарка вид здесь вновь стал обычен с конца XX века.

В Каратау в 1920-е годы южный соловей был многочислен по сёлам, обычен по долинам рек и по дну ущелий (Шапошников 1931), в 1941 году отмечен как обычный в верховьях реки Чаян и ущелье Беркара (Долгушин 1951). Позже он всюду был многочисленным и летом 2003 года был обычен в боярышниковых зарослях ущелья Актас в Боролдайтау. Многочислен он и в лесопосадках вдоль железной дороги. Гнездится в пойме реки Ушбас в северных предгорьях Каратау (Коваленко и др. 2002). На озере Бийликоль (северные предгорья Малого Каратау) летом его встречали в 1926 и 1991-1992 годах (Кашкаров 1928; Губин, Карпов 1999), но гнездится ли он там, не выяснено.

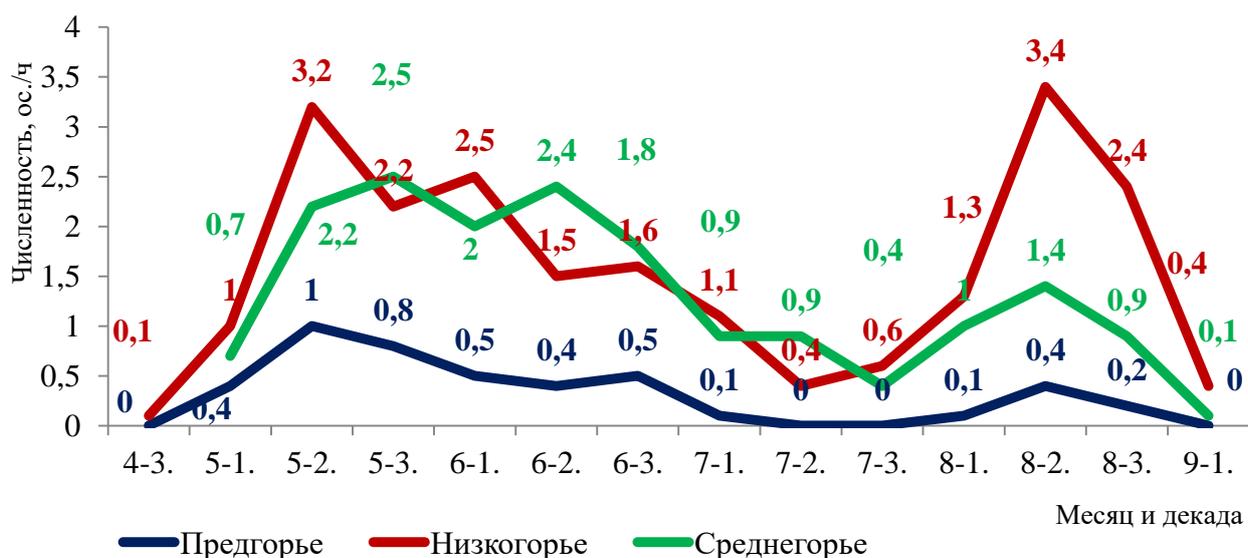

Рис. 3. Годовая динамика численности южного соловья *Luscinia megarhynchos* в Таласском Алатау.

Распределение южного соловья по поясам Таласского Алатау выглядит следующим образом. Весной он первоначально появляется в предгорьях, постепенно наращивая численность с конца апреля до середины мая (от 0.0 до 1.0 ос./ч, рис. 3), которая постоянно сокращаясь сходит на нет к середине июля. Последнее больше связано с окончанием пения самцом и вероятным перемещением выводков, чем с исчезновением вида. Вновь вид становится заметным здесь в августе – в период начала кочёвок и пролёта. Крайние сроки его встречи здесь 18 апреля (2014) и 5 сентября (2012). В годы с поздней и затяжной весной прилёт вида задерживается до 11 и 12 мая (1960, 1980, 1985 и 1994). В лесопосадках вдоль железных дорог число соловьёв выше (конец мая – 6.7 ос./ч и конец августа – 1.5) и осенью он задерживается здесь дольше (16 сентября 1997). В период отсутствия на гнездовании в селе Жабгылы этого соловья весной отмечали с 28 апреля (2011) по 22 мая (2008) и осенью с 27 июля (2010) до 19 сентября 2005, а на гнездовании до 1980-х годов – с 30 апреля (1966, 1972, Ковшарь 1966; Губин 2012) и в 2015-2017 – с 26 апреля по 11 сентября (2016).

Самая высокая численность южного соловья в низкогорьях. Процесс её роста весной подобен предгорьям – от 0.1 ос./ч в конце апреля до 3.2 в середине мая и на уровне 2.5 ос./ч она держится до середины июня. Со второй половины июня интенсивности пения самцов падает, и вид становится менее заметен (рис. 3). С середины июля до середины августа активность кочующих и пролётных особей растёт (с 0.4 до 3.4) и к середине сентября сходит на нет. Крайние сроки встречи вида в этом поясе гор 15 апреля (1999) и 11 сентября (2011).

В среднегорья южный соловей поднимается в начале мая (28 апреля 1983), его число нарастает весь месяц (с 0.4 до 2.5 ос./ч) и позже – до конца июня держится на одном уровне (в среднем 2.0). Менее заметен здесь он в конце июля (0.4), но к середине августа его число возрастает в 3.5 раза за счёт мигрантов, пролёт которых длится до сентября (21 сентября 1933 – Шульпин 1965). Выше арчового леса южный соловей даже по лиственному тугаю вдоль рек не поднимается. Единственная встреча поющего самца в нижней части арчового стланика, заросшего жимолостью и шиповником, состоялась 10 июня 2010 в ущелье Каскабулак (2300 м н.у.м.).

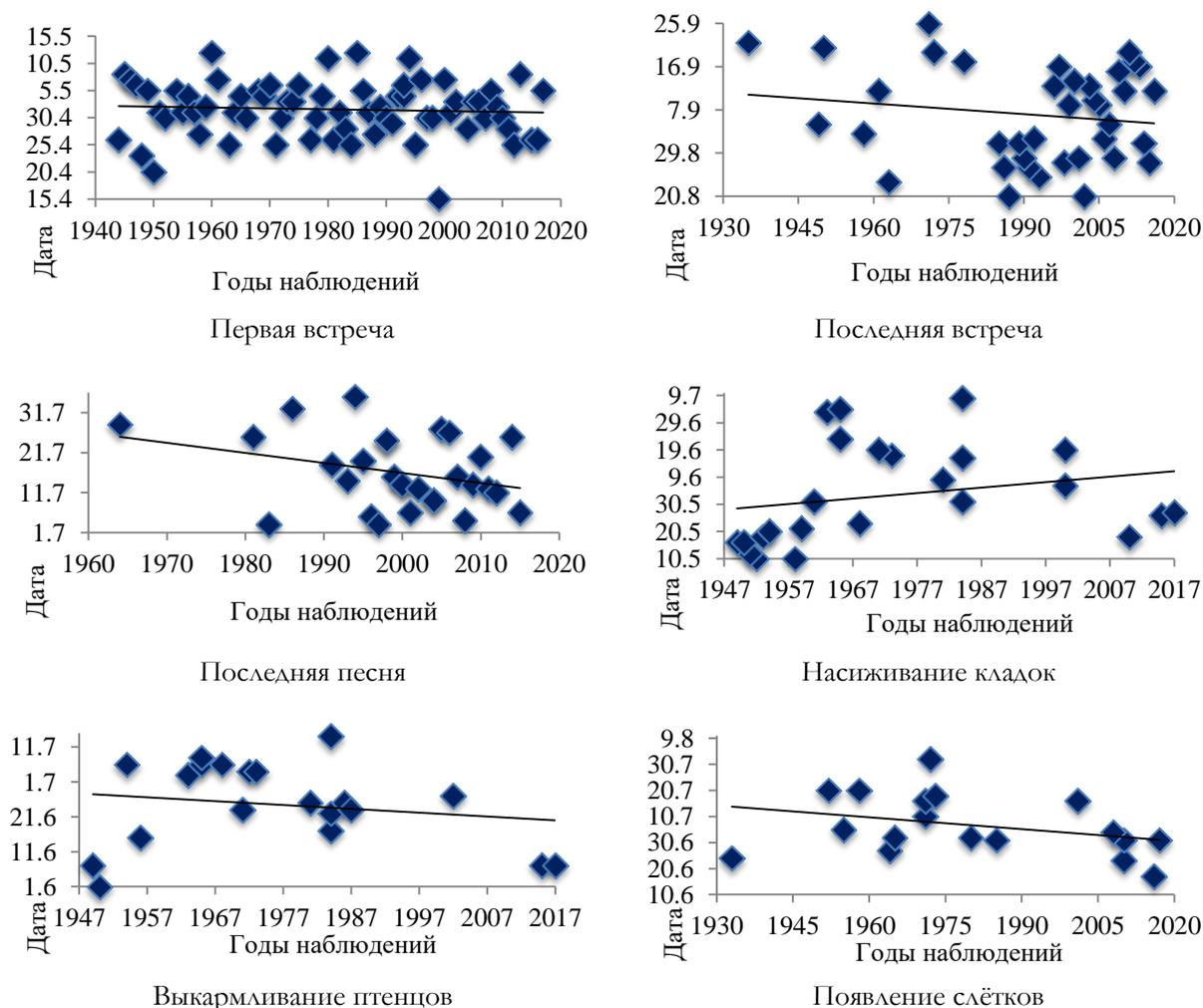

Рис. 4. Динамика основных фенологических явлений в жизни южного соловья *Luscinia megarhynchos* в Таласском Алатау.

Дата первой встречи южного соловья весной (по данным Летописи природы заповедника Аксу-Джабаглы, рис. 4) чаще совпадает с первой услышанной его песни, но обычно он прилетает на 3-5 дня раньше. В течение мая самцы поют круглосуточно, к июню – с вечера до утра, к началу июля пение становится менее продолжительным и в середине месяца песню слышат редко. Разница начала и конца пения самцов по поясам гор незначительна: предгорья с 23 апреля (1948 – Ковшарь 1966) по 25 июля (2014), низкогорья – с 25 апреля (1995) по 26 июля (2006) и среднегорья – с 27 апреля (1983) по 27 июля (1964 – Ковшарь 1966). В августе обрывки песен, видимо молодых птиц, не так уж редко слышатся повсеместно, а в сентябре поют, скорее всего, пролётные особи (12 сентября 1950 – Ковшарь 1966). Самая последняя встреча южного соловья состоялась в горах 21 сентября (1933 год – Шульпин 1965), а в предгорьях на перевале Чокпак (между Таласским Алатау и Боролдайтау) – 30 сентября (2013).

Рис. 5. Южный соловей *Luscinia megarhynchos bafizi*. Село Жабаглы. 9 августа 2015. Фото Е.М.Белоусова.

К выбору места гнездования южный соловей приступает сразу же по прилёту. В сёлах – это участки садов, заросшие кустарником, ежевикой или хмелем, в горах – участки лиственного или арчового леса с густым подлеском, чаще на северных или северо-восточных склонах. Из 13 постоянных площадок площадью 1 га, заложенных в арчовом лесу Кши-Каинды и Чуулдак (1982-1992 годы), южный соловей выбрал две, на которых гнезвился только в 1986 году (Чаликова 2007). В итоге на 74 га в течение 11 лет средняя плотность гнездования вида составила 0.03 пары на 1 га.

Гнёзда в горах находили на арче (высота 0.8 и 1.6 м от уровня земли), жимолости (0.5 м и у её основания на земле), шиповнике (0.4 м и опирающимся дном на василистник – 0.1 м), крушине (0.8 м) и вишне тянь-шаньской (0.2 м), а в сёлах – на тёрне (0.7 м), ежевике (0.2 м) и хмеле (0.3 м). Птиц, строящих гнёзда в селе Жабаглы, встречали 17 мая 2017, в арчовом лесу – 25 мая и 27 июня 1984 (скорее всего, взамен погибших) и в лиственном лесу – 4 июня 1991.

Рис. 6. Гнездо южного соловья *Luscinia megarhynchos hafizi* с кладкой. Хребет Каратау, ущелье Журунсай. 19 июня 2011, Фото О.В.Белялова.

Рис. 7. Южный соловей *Luscinia megarhynchos hafizi* у гнезда с птенцами. Хребет Каратау, ущелье Журунсай. 19 июня 2011, Фото О.В.Белялова.

Встречено два типа гнёзд. Пять из семи были довольно прочно свиты из широких полосок коры деревьев с примесью старых разложившихся листьев, а два – без листьев, что сделало постройку рыхлой, разваливавшейся в руках. Лоток обычно выстлан полосками луба и травы. В материале гнёзд в горах присутствовали: кора арчи (83.3%, от 7.5 до 14.5 г) и жимолости (33.3%, до 9.3 г), расщеплённые стебли ферулы (33.3%, 3.3 г), веточки жимолости (50.0%, 1.1 г), луб арчи (16.7%, 1.7г), листья барбариса (33.3%, 1.5-16.9 г), сухие злаки (50.0%, 0.5-5.5 г), мох (16.7%, 0.1 г) и подмаренник (16.6%, 0.07 г). Размеры 5 гнёзд, мм: диаметр гнезда 111-160×116-170, в среднем 135.2×140.4; лотка 55-65×60-77, в среднем 60.0×66.4; высота гнезда 95-120, в среднем 102.6, глубина лотка 45-66, в среднем 56.2. Вес двух гнёзд составил 21.5 и 52.7 г.

Рис. 8. Южный соловей *Luscinia megarhynchos hafizi*. Село Жабагылы. 11 сентября 2012. Фото Е.М.Белоусова.

В 1960-е годы отмечали, что размеры гнёзд и состав строительного материала из каньона Аксу и села Новониколаевка (ныне Жабагылы) были точно такими же (Ковшарь 1966). Гнёзда 2010 и 2015 года из тех же мест существенно различались: наружный и внутренний диаметр первого был меньше (111×116 и 55×60 мм), чем у второго (155×166 и 55×77), а высота и глубина лотка примерно равная (95 и 98, 65 и 66 мм). В материале гнезда из каньона Аксу присутствовали кора жимолости, расщеплённые стебли ферулы и стебли прошлогодних злаков, а из села Жабагылы – куски полиэтилена, на которые опиралась основа, прошлогодние стебли хмеля, кусок синтетической верёвки длиной 15 см, кора сливы, вишни и тополя, перепревшие листья тополя, персика,

ивы, карагача, ясеня и грецкого ореха, стручки белой акции, прошлогодние и зелёные злаки (пырей), корешки травянистых растений.

Кладка южного соловья содержала 2-5 яиц (в среднем 3.9). Гнёзда с кладками находили с 10 мая (1952, 1958) по 8 июля (1984, рис. 4). В последнем случае была повторная кладка взамен погибшей. Кладка из 5 яиц содержала один «болтун». Пары кормили от 1 до 4 птенцов (в среднем 2.8). Гнёзда с птенцами встречали с 1 июня (1950) до 14 июля (1984). Вылупление первого отметили 16 июня и 3, 6, 14 июля. Слётков встречали с 17 июня (2016) до 1 августа (1978 – Губин 2012). Один из слётков соловья 4 июля 2008 попал в мышеловку с хлебной приманкой, установленной в боярышниковом лесу ущелья Джетымсай.

В 9 гнёздах снесено 35 яиц, из которых вылупилось 14 птенцов и только 3 вылетели из 1 гнезда. Успешность размножения вида очень низкая – 8.7%. Два гнезда брошены на стадии строительства, 5 – разорены в период насиживания и 3 – в период выкармливания птенцов.

Фенологические сроки гнездования, прилёта и отлёта южного соловья в Таласском Алатау полностью совпадают с таковыми из других районов Западного Тянь-Шаня.

Обыкновенный соловей *Luscinia luscinia* Linnaeus, 1758

В Западном Тянь-Шане обыкновенный соловей встречается только на пролёте. С 1933 года в Таласском Алатау он достоверно встречен 6 раз и только в сентябре: 3, 8, 14 и дважды 17 сентября (1960, 1950, 1948, 1935 и 1961) – добыт в предгорьях, а 19 сентября 1972 добыт в среднегорье (Шульпин 1965; Ковшарь 1966; Губин 2012). На перевале Чокпак в 1966-1982 годы обыкновенного соловья отлавливали 7 и 11 мая (1969, 1975) и по 3 птицы осенью с 24 августа (1972) по 5 октября (1971). Весной 2000-2004 годов окольцовано 7 и осенью – 22 особи (Гаврилов, Гисцов 1985; Коваленко и др. 2005). Изменилось и соотношение отловленных видов. Весной в первый период на одного обыкновенного ловили 4 южного соловья (или 1:4) и осенью – 2:1, во второй период соответственно весной и осенью 1:3, а сроки пролёта обыкновенного соловья остались прежними (1-5 сентября 2005, 9 сентября 2004, 11 сентября 2010, 29 сентября 2013).

Для других районов Западного Тянь-Шаня обыкновенный соловей лишь указывается как пролётный вид, без каких либо конкретных дат. Сведения о нём ограничены тем историческим периодом, когда птиц добывали или ловили. Так, в Каратау в первой половине XX века его отмечали с 10 по 28 мая (Долгушин 1951; Кузьмина 1970), в пойме реки Ушбас в северных предгорьях Каратау – 15-17 мая (Коваленко и др. 2002) и в северных предгорьях Боролдайтау – 3 сентября 2016 (М.Нукусбеков, <http://www.birds.kz>).

Литература

- Гаврилов Э.И., Гисцов А.П. 1985. *Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня*. Алма-Ата: 1-223.
- Губин Б.М. 2012. *Орнитологические наблюдения в заповеднике Аксу-Джабаглы*. Алматы: 1-248.
- Губин Б.М., Карпов Ф.Ф. 1999. Материалы по гнездящимся птицам озера Бийликуль (Южный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн.* 8 (75): 3-13.
- Долгушин И. А. 1951. К фауне птиц Каратау // *Изв. АН КазССР*. Сер. зоол. 10: 72-117.
- Железняков Д.Ф., Колесников И.И. 1958. Фауна позвоночных Горно-Лесного заповедника // *Тр. Горно-Лесного заповедника*. Ташкент: 94-117.
- Кашкаров Д.Н. 1928. Экологический очерк района озер: Бийлю-Куль, Аккуль и Ащиккуль Аулие-Атинского уезда // *Тр. Среднеаз. ун-та*. Сер. 8а. Зоол. 2: 1-54.
- Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Анненкова С.Ю. 2002. Орнитологические наблюдения на озере Кызылколь (Южный Казахстан) в период сезонных миграций // *Рус. орнитол. журн.* 11 (199): 879-887.
- Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э. 2005. О пролёте дендрофильных птиц на перевале Чокпак (Западный Тянь-Шань) // *Tethys Ornithol. Res.* Алматы: 223-230.
- Ковшарь А.Ф. 1966. *Птицы Таласского Алатау*. Алма-Ата: 1-435.
- Ковшарь В.А. 2003. К авифауне верхней части бассейна реки Пскем // *Selevinia 2002*: 135-149.
- Корелов М.Н. 1956. Фауна позвоночных Бостандыкского района // *Природа и хозяйственные условия горной части Бостандыка*. Алма-Ата: 259-325.
- Кузьмина М.А. 1970. Род соловей. Род варакушка // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 600-628.
- Лановенко Е.Н. 1997. Исследование орнитофауны Чаткальского биосферного заповедника // *Тр. заповедников Узбекистана*. Ташкент: 45-54.
- Лановенко Е.Н. 1997. Структура летнего населения птиц Чаткальского биосферного заповедника // *Тр. заповедников Узбекистана*. Ташкент: 62-73.
- Митропольский О.В. 2002. Обзор птиц семейства дроздовых (Aves: Passeriformes: Turdidae) Западного Тянь-Шаня как возможных биоиндикаторов состояния экосистемы // *Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня: охрана и рациональное использование*. Ташкент: 158-170.
- Митропольский О.В. 2005. *Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня. Материалы к изучению птиц и млекопитающих в бассейнах рек Чирчик и Ахангаран (Узбекистан, Казахстан)*. Ташкент; Бишкек: 1-166
- Митропольский О.В., Третьяков Г.П., Фотеллер Э.Р. 1981. Материалы к оологической характеристике птиц Западного Тянь-Шаня // *Экология некоторых видов млекопитающих и птиц равнин и гор Узбекистана*. Ташкент: 69-89.
- Чаликова Е.С. 2007. Птицы в арчовниках Таласского Алатау // *Тр. Аксу-Жабаглинского заповедника*. Шымкент: 48-113.
- Шапошников Л.В. 1931. О фауне и сообществах птиц Каратау (Орнитологические результаты поездок летом 1926 и 1927 гг. в горы Каратау) // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. 40, 3/4: 237-284.
- Шевченко В.В. 1948. Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. заповедника Аксу-Джабаглы* 1: 36-70.
- Шульпин Л.М. 1965. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) // *Тр. заповедника Аксу-Джабаглы* 2:160-202.

Заметки по экологии и поведению топорка *Lunda cirrhata*

Э.А.Михтарьянц

Второе издание. Первая публикация в 1977*

Литературные данные по биологии топорка *Lunda cirrhata*, гнездящегося на Командорских островах, ограничены в основном краткими сведениями о сроках прилёта и отлёта, сроках размножения, распределении, состоянии численности и промысловом использовании (Stejneger 1885; Бианки 1909; Иогансен 1934; Козлова 1957; Карташев 1961; Мараков 1965, 1966; и др.). Поэтому, располагая стационарными наблюдениями, проведёнными с 27 мая по 12 августа 1969 на острове Топорков, автор счёл возможным изложить их в настоящей статье.

Остров (длиной приблизительно 600 м и шириной 300-400 м) расположен в 2 км от острова Беринга и представляет собой плоское плато (высотой от 3 до 15 м над уровнем моря), заросшее в некоторых местах лабазником, борщевиком, различными злаками и окружённое достаточно широкой террасой (рис. 1А).

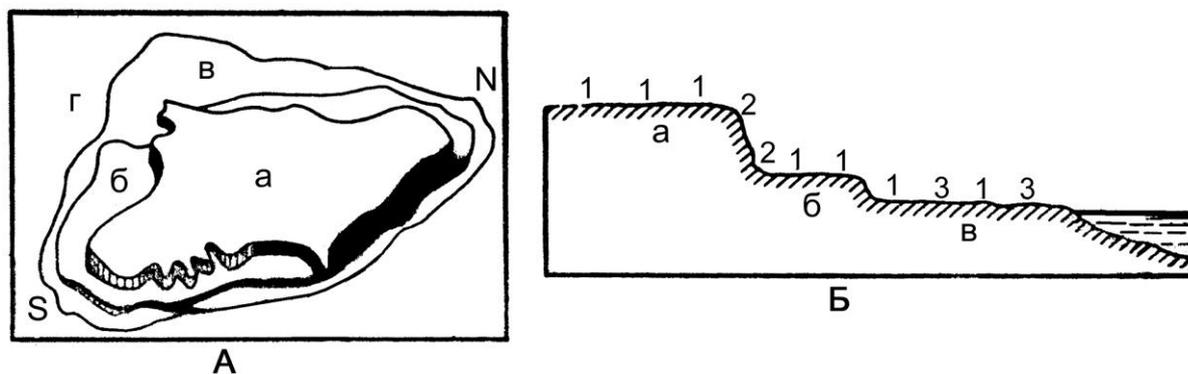

Рис. 1. А – план острова Топорков;

Б – вертикальное распределение чистиковых птиц на гнездовьях: 1 – топорок *Lunda cirrhata*; 2 – белобрюшка *Cyclorhynchus psittacula*; 3 – малый тихоокеанский чистик *Serphus columba kaiurka*; а – плато; б – терраса; в – берег; г – кекуры.

Топорок, являясь на острове самым многочисленным видом (по Иогансену (1934) – более 100 тыс. пар; по Карташеву (1961) – 10-15 тыс. пар), занимает почти весь остров, за исключением мест с густой травянистой растительностью, узкой прибрежной полосы, используемой под гнездовья чистиком *Serphus columba kaiurka*, и сравнительно небольших площадей, занятых двумя колониями серокрылой чайки *Larus glaucescens*. Распределение гнездовий чистиковых птиц, населяющих

* Михтарьянц Э.А. 1977. Заметки по экологии и поведению топорка // *Орнитология* 13: 127-133.

остров, иллюстрирует рисунок 1Б. Топорки поселяются в норах, которые вырыты в мощном слое торфа на плато и террасе, обрывах и пологих склонах, а также на берегу в галечном, каменистом и скреплённом корнями злаков песчаном грунте. Много кладок топорков мы находили также в нишах и расщелинах скал, в россыпях камней, в пустотах под крупными валунами. Только одно найденное гнездо было совершенно открыто сверху, но и оно оказалось до известной степени защищённым, так как находилось у большого камня и было окружено высокими травами.

В конце мая норы были уже распределены между птицами. Однако драки между некоторыми топорками наблюдались примерно до середины июня. Происходили они в утренние (обычно с 5 до 11 ч) и вечерние часы. Сцепившись клювами и соприкасаясь грудью, два топорка наносили друг другу удары лапами и раскрытыми крыльями или таскали один другого из стороны в сторону, стараясь пригнуть голову соперника к земле. Иногда, увлечённые борьбой, птицы падали с высоты 3-10 м. Причём были случаи возобновления драки даже после таких падений и ударов. Длилась драка чаще всего 2-3 мин, изредка с передышкой, во время которой уставшие от борьбы противники лежали рядом с распластанными крыльями, не разжимая клювов. Оканчивалось столкновение обычно тем, что одна птица, высвободившись, убегала, а вторая преследовала её на расстоянии 3-4, иногда даже 20-30 м.

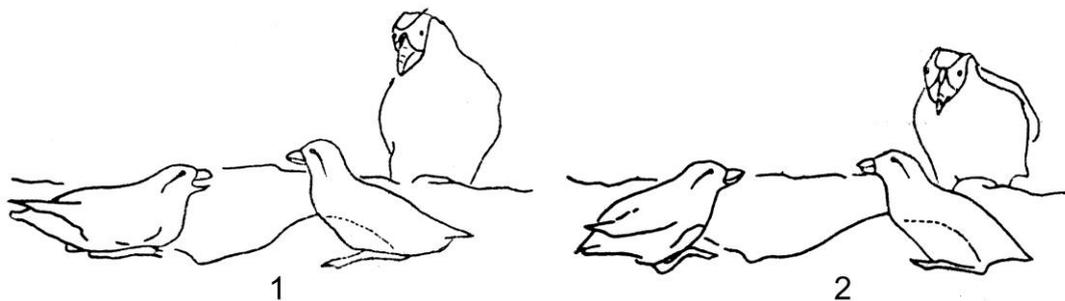

Рис. 2. Появление белобрюшек *Cyclorhynchus psittacula* у норы топорка *Lunda cirrhata* сначала несколько возбуждает последнего (1), а затем вызывает слабо выраженную угрозу (2). Рисунки поз птиц выполнены с фотографий автора.

Агрессивные наклонности топорков по отношению к другим гнездящимся на острове птицам, по нашим наблюдениям, выражены крайне слабо и проявлялись редко. Например, стоящих близко от их норы белобрюшек *Cyclorhynchus psittacula* топорки отпугивали лишь тем, что направлялись в их сторону и вытягивали голову и клюв по направлению к ним (рис. 2). Драки топорков с белобрюшками или какие-либо притеснения со стороны первых ни разу нами не отмечались. Описанные С.В.Мараковым (1966) случаи, в которых топорки забивали белобрюшек насмерть и выталкивали их к выходу из норы, по-видимому, относятся к тому периоду, когда эти птицы, выбирая себе место для

гнезда и обследуя для этого ниши, щели и полуразрушенные норы, могли случайно зайти в занятое топорками и охраняемое ими убежище.

Как известно, ходят и бегают топорки на пальцах. На плюсну они опираются, как показали наши наблюдения, только при входе в нору (диаметр входного отверстия, как правило, меньше размеров птицы), ходьбе по неровному субстрату (см. рис. 4) и в тех случаях, когда нужно увеличить площадь опоры при спуске с высоких камней (рис. 3). Начиная бег, топорок лишь слегка наклоняет туловище вперёд и вниз, но по мере ускорения оно наклоняется сильнее, голова опускается книзу и очень часто поднимается вверх короткий хвост (рис. 4). Такими топорков всегда можно увидеть, когда они убегают от опасности или совершают своеобразную разминку. Последнюю можно было наблюдать в колонии довольно-таки часто: то одна, то другая птица, расправив и приподняв крылья, нагнув голову и подняв хвост, пробегала, стремительно ускоряя бег. Потом, внезапно останавливаясь, она медленно складывала крылья и уже не торопясь возвращалась к исходному месту.

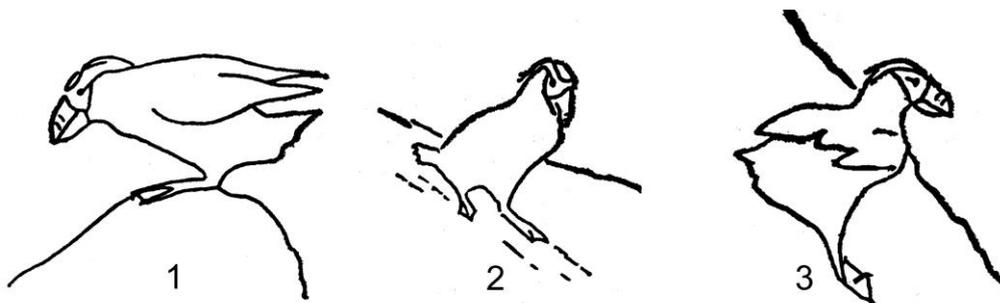

Рис. 3. Спуск топорков с камней: 1 – начало спуска; 2 – спуск с пологого камня (птица опирается на плюсну); 3 – спуск с крутого камня (опирается когтями на неровности камня и удерживает равновесие с помощью полуприподнятых крыльев)

Известно, что топорки, как нырковые птицы с большой весовой нагрузкой на крыло, не могут взлетать с ровного места и, чтобы приобрести необходимую для полёта начальную скорость, нуждаются в падении с высоты. Для этого на острове Топорков птицам служат 19 своеобразных взлётных площадок (размером 2×3–3×4 м), расположенных по краю плато. Идут к ним топорки с расстояния 50-70 м из центральных и периферийных участков плато по тропам, вытоптаным ими самими, а также поднимаются с террасы, выбирая для этого наиболее пологие участки обрыва. Ширина троп колеблется от 0.5 до 1-2 м. Птицы, норы которых расположены на берегу, этими площадками не пользуются, а пешком направляются к морю, перепархивая и перелетая с одного камня на другой. Некоторые используют для слёта прибрежные камни высотой 1.5-2.8 м. Взабираются они на такие камни очень ловко, даже по вертикальной стороне их: присев на цевку и оттолкнувшись, топорок подпрыгивает и затем, цепляясь когтями лап за неровности камня и помогая себе взмахами крыльев, оказывается наверху.

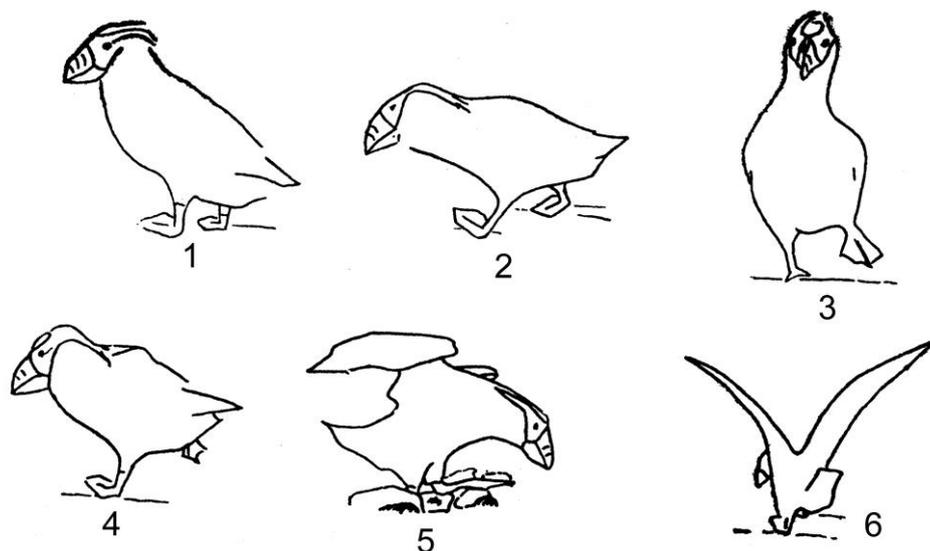

Рис. 4. Позы топорков при ходьбе и беге: 1, 2 – при ходьбе; 3, 4 – при беге; 5 – при ходьбе по неровному субстрату (кочки, камни); 6 – вид сзади.

Рытье новых нор на острове, где поверхность уже давно изрыта, наблюдалось только у отдельных пар. Основная же масса птиц занималась в течение первых двух декад июня (наиболее активно с 13 по 19 июня) расчисткой или углублением старых нор, о чём свидетельствовали многочисленные кучки свежесброшенного грунта у их входов, а также клювы выходящих из убежищ топорков с налившимися остатками земли. Иногда удавалось непосредственно видеть, как птицы, быстро, сильно и ловко работая лапами, выгребали из норы землю, камешки и песок. Пучки сухих прошлогодних стеблей злаков для гнездовой подстилки топорки собирали или вблизи своих нор (в 0.5-1.5 м), или удалялись от них на несколько метров. Подойдя к кочке, топорок захватывал клювом пучок сухой травы и, упираясь лапами в землю, с силой выдёргивал его. Если с первого раза пучок выдернуть не удавалось, птица подходила к нему вплотную, приседала на цевку, подцепляла и крепко зажимала клювом соломины у самого их основания, после чего более сильным и мощным рывком всего тела назад-вверх выдёргивала его. Из пары выщипывала траву одна птица. Туго набив клюв несколькими пучками (рис. 5), она уносила всё это в нору, а потом возвращалась за новой порцией. Вторая птица из пары, если и собирала траву, то не так активно: усилий при выдёргивании почти не прилагала, уносила в нору всего несколько травинок (рис. 5) или довольно часто по дороге всё роняла. Однако, исходя из того, что при выходе из норы у неё часто был испачкан клюв землёй, можно предположить, что она уделяла больше внимания расчистке и углублению норы.

Подобно тупикам *Fratercula arctica*, у которых при резко выраженном инстинкте собирания гнездового материала выстилка гнездовой камеры весьма скудна (Козлова 1957), у топорков во многих проверенных нами норах яйцо лежало на земле, а не на сухой траве, как можно

было ожидать, наблюдая столь интенсивный сбор гнездостроительного материала. Однако у особей, поселившихся под камнями и открыто, были построены гнёзда. По-видимому, сохранение гнездостроительного инстинкта у топорков можно объяснить довольно разнообразными условиями, в которых они гнездятся.

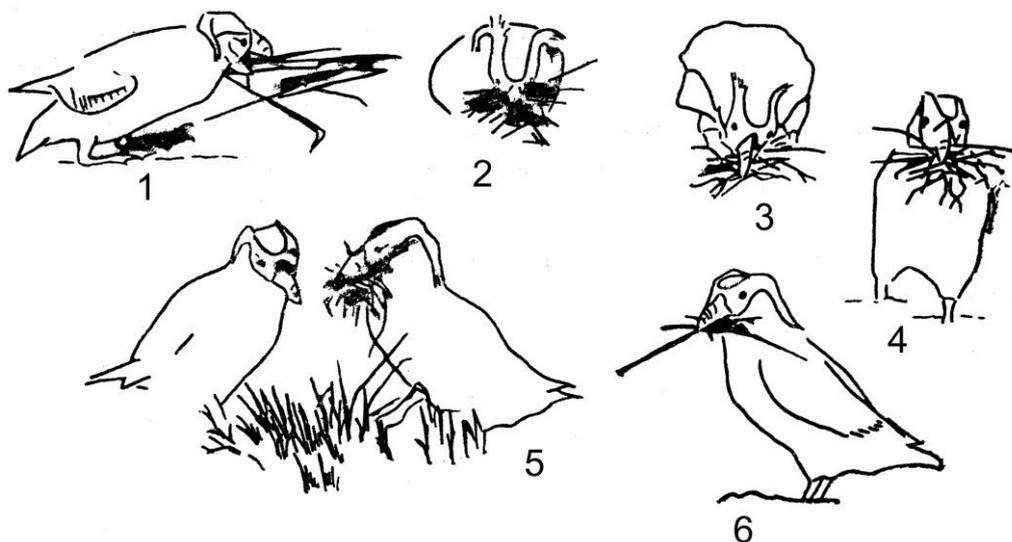

Рис. 5. Сбор строительного материала топорками.
 1-4 – последовательные стадии активного сбора прошлогодних стеблей злаков;
 5 – различная степень участия партнёров в сборе строительного материала; 6 – пример неактивного сбора гнездового материала (в клюве птицы всего несколько травинок).

В период, предшествующий насиживанию, режим топорков был примерно таким. С рассвета (3 ч 10 мин – 3 ч 30 мин) и до 6-7 ч стайки птиц одна за другой возвращались с моря и, покружив над островом, садились к норам или на воду вблизи острова. К ним присоединялись другие топорки, видимо, ночевавшие в норах. На суше топорки проводили несколько часов. Затем, начиная приблизительно с 11 ч, количество их на острове постепенно уменьшалось, и к 14-15 ч они почти все покидали его, улетаю далеко в море, очевидно, на кормёжку (улетают на кормёжку топорки небольшими группками по 2-5 особей, держась очень низко над водой). Массовое вечернее возвращение на остров наблюдалось обычно с 19 до 22 ч. До наступления темноты птицы проводили время так же, как и утром, на воде и у нор. Ночными наблюдениями не удалось установить достоверно, где в этот период ночует основная масса птиц. Но судя по массовому прилёту птиц к острову на рассвете, можно предположить, что ночуют они вне острова, на воде.

Спаривание топорков наблюдалось в течение июня и первой декады июля. Оно чаще происходило на воде, чем у нор. Копуляции предшествуют последовательно совершаемые самцом стереотипные движения и демонстрации поз. Плавая на воде перед самкой, самец вытягивает шею и поднимает вверх голову, направляя клюв вверх-вперёд. В такой позе он находится примерно 1 мин, широко открывая клюв и

иногда запрокидывая голову на спину. Непосредственно перед спариванием самец поднимает крылья вверх и несколько в стороны. Спаривание длится 30-60 с. После спаривания самка ныряет в воду и тут же, вынырнув чуть в стороне, отлетает от самца на расстояние 2-5 м. Так же ведёт себя самка, когда избегает спаривания. Но на суше нежелание самки спариваться и её стремление высвободиться встречали порой сопротивление самца, который яростно хватал её за перья шеи или спины и издавал при этом низкие грубые звуки, похожие на урчание. Случаи асинхронного брачного поведения в колонии, сопровождавшиеся демонстрацией брачных поз самцом, но не завершающиеся копуляцией, мы наблюдали до начала августа. Причины их остались невыясненными.

Рис. 6. Топорок *Lunda cirrhata*.

Насиживание у топорков, по нашим наблюдениям, длится 38-45 дней. В конце насиживания птицы сидят очень плотно и часто не сходят с гнезда даже когда их трогаешь руками. Вылупление птенцов начинается в конце июля (появление первых птенцов в колонии отмечено 25 июля). Массовое вылупление пришлось на первую декаду августа. Вылупившийся птенец покрыт темно-бурым, почти чёрным пухом. Самые длинные пушины расположены на спине (25-30 мм) и брюшной стороне тела (до 25 мм). На кистевом отделе крыла длина пуха достигает 15-20 мм, на предплечье – 7 мм, на голове – 10 мм. Надклювье окрашено в темно-серый, а подклювье – в серо-розовый цвет. Яйцевой зуб матово-белый, восковица темно-бурая, цевка и пальцы темно-серые, перепонка между пальцами розовая с сероватым налётом.

Рис. 7. Топороки *Lunda cirrhata*.

Скорлупа после вылупления птенцов 1-3 дня лежит рядом с гнездом. По нашим наблюдениям за полуоткрытогнездящимися птицами, в первые 2-3 дня птенец беспомощен, малоподвижен и почти всё время обогревается одним из родителей. Обогревая птенца, взрослая птица сидит неподвижно и лишь изредка меняет своё положение. При при-

ближении человека взрослая птица, урча, встаёт с гнезда и уходит глубже под камень или забивается в щель. Оставшийся в гнезде птенец издаёт изредка тонкий писк и время от времени хватает клювом соломинки из гнезда. В 4-5-дневном возрасте он уже более подвижен и при тревожном урчании родителей тоже уходит в глубь убежища.

Прилетевшая с кормом птица заходит сразу в нору и направляется к гнезду. Птенец вытаскивает рыбок из клюва родителя или поднимает их с земли, если они туда положены, и заглатывает их по одной. Родитель, доставивший корм птенцу, некоторое время отдыхает в своём укрытии, после чего вновь отправляется в море. С птенцом остаётся та же птица. По-видимому, смена родителей происходит через сутки или более.

Рис. 8. Топорок *Lunda cirrhata*.

Количество приносимых птенцу рыб за один раз зависело от размеров последних. Топорки несли в клюве по 1-5 штук, если мальки были длиной 7-13 см, или до двух десятков и более, если они были очень тонкие и мелкие, длиной от 4 до 7 см. Длинных рыбок (до 20 см) птицы несли по одной-две, схватив их клювом в двух местах – у головы и вблизи хвоста, так что они оказывались сложенными вдвое.

Интересно отметить, что главным и первым оповестителем приближающейся опасности является серокрылая чайка. Беспокойные крики последней воспринимались топорками и другими гнездящимися на острове птицами как сигнал тревоги, по которому они настораживались и покидали остров, даже не видя непосредственной опасности. Аналогичное поведение наблюдалось у топорков, когда они только видели массу слетающих с острова особей своего вида или слышали шум

их крыльев. При тревоге часть птиц улетала и садилась на воду, часть описывала над островом круги, пока не исчезнет опасность, и только некоторые (в основном не успевшие слететь с острова) прятались в норы или под камни.

В период выкармливания топорками птенцов необычное поведение было отмечено у моевок *Rissa tridactyla* и красноногих говорушек *Rissa brevirostris*, не гнездившихся в этом году и ежедневно державшихся большой стаей (приблизительно 700 особей, 1-3-летние птицы) около острова на рифах и выступающих из воды камнях. Особенность эта заключалась в том, что они отнимали добычу у топорков, несущих её своим птенцам. Специализировались в этом не все, а только отдельные взрослые особи. Моевки поднимались в воздух и летали над литоралью, высматривая себе «жертву». Выбрав летящего несколько ниже, чем она сама, топорка, моевка неожиданно делала резкий поворот и с громким криком пикировала на него. Видимо, это внезапное пикирование и неожиданный крик пугали топорка, и растерянность, которая на какое-то время овладевала им, использовалась моевкой для выхватывания рыбки из его клюва. Отнятую добычу она заглатывала или тут же, в воздухе, или после того, как опускалась на литораль или воду. Топорок улетал с оставшимися рыбами, либо, потеряв равновесие, стремительно снижался, почти падал. Однако не всегда нападение моевки было удачным, так как своевременно замеченный её резкий поворот инстинктивно заставлял топорка снижать траекторию полёта и ускорять его. А поскольку топорок обладает более стремительным полётом, чем моевка, то последней редко удавалось догнать его. Интересно, что и среди топорков наблюдались попытки, правда, единичные и малоуспешные, отбирать корм друг у друга.

Литература

- Бианки В.Л. 1909. Краткий обзор авифауны Командорских островов // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* 14, 1/2: 48-76.
- Иогансен Г.Х. 1934. Птицы Командорских островов // *Тр. Томск. ун-та* 86: 222-266.
- Карташев Н.Н. 1961. Птицы Командорских островов и некоторые предложения по рациональному их использованию // *Зоол. журн.* 40, 9: 1395-1410.
- Козлова Е.В. 1957. *Ржанкообразные: Подотряд чистиковые*. М.; Л.: 1-144 (Зоол. ин-т АН СССР. Фауна СССР. Нов. сер. № 65. Птицы. Т. 2. Вып. 3).
- Мараков С.В. 1965. Морские колониальные птицы Командорских островов // *Новости орнитологии*. Алма-Ата: 229-231.
- Мараков С.В. 1966. *Край непуганых птиц: Животный мир Командорских островов*. М.: 1-117.
- Stejneger L. 1885. Results of ornithological explorations in the Commandor islands and in Kamtschatka // *Bull. U.S. Nat. Mus.* 29: 1-382.

Материалы по изучению японского свиристея *Vombucilla japonica*

В. В. Леонович

Второе издание. Первая публикация в 1977*

Во время орнитологических исследований бассейна реки Селемджи (Амурская область) в мае-июне 1971 года у селения Экимчан нами было найдено два гнезда японского, или амурского свиристея *Vombucilla japonica* (P.F.Siebold, 1824). Поскольку гнезда и яйца этого вида ещё не описаны, а сведения о его распространении и биологии носят явно фрагментарный характер, новые наблюдения, касающиеся японского свиристея, имеют определённый интерес.

Амурский свиристель – обитатель южной полосы тайги Восточной Сибири. Точно определить область его распространения сейчас ещё не представляется возможным. Крайняя северо-западная точка ареала отмечена М.И.Ткаченко (1924): «В с. Нелькане на реке Мае в конце августа и в начале сентября я наблюдал стаи этих свиристелей около 25 старых и молодых птиц». Здесь они держались в широкой разработанной долине реки с елово-пихтовыми лесами. А.И.Гизенко (1955) считает, что на Сахалине «японский свиристель встречается, вероятно, только как случайно залётный вид и очень редко», хотя его добывали в окрестностях Южно-Сахалинска и села Стародубск (Takahashi 1937). А.И.Кузякин (устн. сообщ.) видел 3-4 японских свиристелей в конце мая 1964 года около посёлка Шебунино на юго-западном Сахалине.

По свидетельству ряда исследователей, японский свиристель относительно обычен в низовьях Амура. Здесь его наблюдал В.С.Стаханов (Stachanov 1935) к северу от Николаевска и к югу до озера Болонь. К.А.Воробьев (1954) сообщает о добыче 27 июня 1932 под Николаевском самки с тремя сформировавшимися желтками и о встрече стаяк до 40 особей 26 июня 1932 между озером Эворон и рекой Горин. Л.М.Шульпин (1931) с 28 июля по 13 августа 1928 наблюдал японских свиристелей по «...низким, ровным или слабо всхолмлённым склонам у оз. Кили, по листовничникам и елово-пихтовым насаждениям. В лесу уже начался период кочёвок птиц. Выводки многих птиц сбились на ягодниках, особенно на крупной и урожайной в том году голубике». Японские свиристели держались здесь вместе с оливковыми дроздами *Turdus obscurus* и рябчиками *Tetrastes bonasia*. Е.П.Спангенберг по среднему течению Гура 4 июня 1955 встретил трёх японских свиристе-

* Леонович В.В. 1977. Материалы по изучению японского свиристея // *Орнитология* 13: 91-94.

лей, которых он считал бродячими особями. А.В.Афанасьев (1934) сообщает, что во время исследований в районе хребта Дуссе-Алинь в бассейне реки Буреи с 21 июня по 17 сентября 1931 в пойменных лесах «изредка наблюдались ... свиристели (*B. japonica*)».

По Селемдже амурские свиристели были найдены только в лиственничниках, у Экимчана – по долине реки с участками, богатыми голубикой. Нигде среди сопок, а также на других участках довольно широко обследованного района Экимчана свиристели нам не попадались. Не встречались они нам и по реке Ульме. Характерно, что японский свиристель не отмечен в районе хребта Хехцир (Кулешова и др. 1965), а также по Охотскому побережью в районе Аяна и Охотска (Кузякин, Второв 1963). 31 мая 1945 в заповеднике «Кедровая падь» К.А.Воробьёв (1954) встретил пару японских свиристелей. Однако никто из орнитологов в летний период их здесь не наблюдал. Таковы наши сведения о летних местообитаниях интересующего нас вида. Создаётся впечатление, что японские свиристели предпочитают долины рек и низменные участки как с елово-пихтовой, так и с лиственничной тайгой. Возможно, что голубичники играют заметную роль в их распределении на гнездовьях.

Вместе с этим можно констатировать и бесспорную спорадичность в распространении вида в целом.

Далеко не выяснены и пролётные пути, которыми японские свиристели следуют на места своих зимовок в Японию. Доподлинно не известно также, в каком количестве эти птицы зимуют в северо-восточной части Китая. Зимовки на территории нашей страны отмечены А.И.Черским (1915), который у Седанки 25 и 29 декабря добыл 5 экз. В феврале 1948 года свиристель найден на полуострове Муравьёва-Амурского (Воробьёв 1954). «Периодически зимующим» упоминает японского свиристея А.А.Назаренко (1971) в заповеднике «Кедровая падь» и встречающимся на кочёвках зимой и весной – Н.М.Литвиненко и Ю.В.Шибяев (1971). В.М.Поливановым стайка наблюдалась в Киевке с 26 февраля по 8 апреля 1962 до 40 штук одновременно (Литвиненко, Шибяев 1965). Л.М.Баранчеев (1955) упоминает японских свиристелей в качестве зимующих птиц Верхнего Приамурья, но не приводит, к сожалению, никаких конкретных данных.

Что касается весеннего пролёта, то в 1962 году Е.Н.Панов отметил стайку в 20 экз. 18 апреля в долине реки Монгугай и 3 птицы в «Кедровой пади» и там же по 3 птицы 17 и 19 апреля (Панов 1973). 13 мая 1965 одна птица добыта на полуострове Большой Пелис (Лабзюк и др. 1971). 13 мая 1926 Л.М.Шульпиным добыта птица у станции Ручьи Сучанской железной дороги (Воробьёв 1954). В 1958 году одиночную птицу мы наблюдали у озера Тальми 11 мая и 3 птиц в заповеднике «Кедровая падь» 13 мая. У Киевки свиристели трижды наблюдались с

1 по 5 мая 1959 в стайках до 30 птиц (Литвиненко, Шибяев 1965). Г.С. Кисленко (устн. сообщ.) 9 мая 1964 наблюдал около 10 птиц в районе посёлка Венюково на Уссури (Вяземский район Хабаровского края). В 1973 году 28 апреля он встретил стайку в 15 штук на мелкоплодной яблоне в городе Зее и 17 мая в этом же районе наблюдал 8 птиц в лесу.

Осенью на пролёте японские свиристели встречены в первых числах октября у деревни Бичевая по реке Хор (Воробьёв 1954) и 8 ноября 1960 стайка в 10-12 птиц наблюдалась в «Кедровой пади» (Панов 1973). На основании приведённых наблюдений можно сказать, что в Южном Приморье как весенний, так и осенний пролёт незначителен. На западе в районе Свободного весной мы его не наблюдали вообще. То же подтвердила И.А.Нейфельдт, неоднократно проводившая орнитологические наблюдения в этих местах. Следуя А.И.Гизенко (1955), на Сахалине пролёт японского свиристеля также не наблюдается. Таким образом, установить, где проходит основная пролётная трасса этого вида, пока не удаётся. Неизвестны также колебание численности и изменения пролётных путей, а также сроки пролёта в зависимости от урожая тех или иных плодово-ягодных растений, что характерно для обыкновенного свиристеля *Bombycilla garrulus*.

Как уже упоминалось, японского свиристеля нам удалось наблюдать на гнездовье только у Экимчана в период с 12 июня по 2 июля. Птицы довольно регулярно встречались как небольшими стайками (15, 20, 21 июня), так парами (с 14 июня) и одиночками (с 20 июня). Гнездо свиристеля было обнаружено 27 июня среди группы лиственниц между шоссе и строениями на краю села. Оно располагалось на тоненькой молодой лиственнице примерно в 6 м над землёй. С соседнего дерева удалось разглядеть, что в гнезде уже имеется по крайней мере одно яйцо. В этот день птицы были весьма оживлены, перелетали и садились на соседние с гнездом деревья, издавая трельку, весьма сходную с обыкновенным свиристелем, и протяжный высокий призывный крик «цiiiи». Один из родителей уже сидел на гнезде, но, по видимому, ещё не насиживал, так как хвост выдавался за край гнезда. В последующие дни свиристели стали незаметными и, очевидно, приступили к насиживанию.

Кладка из 5 яиц была взята 1 июля. Гнездо – довольно крупная постройка из сухих веточек лиственницы в наружном слое и с выстилкой из бородачатых лишайников и некоторого количества сухих стеблей внутри. Диаметр гнезда 16 см, ширина лотка 8 см, глубина лотка 5.7 см. Яйца с серым, слегка голубоватым фоном и чёрными пятнами и отметинами. Практически они ничем не отличаются как от яиц обыкновенного свиристеля, так и от североамериканского кедрового свиристеля *Bombycilla cedrorum*. Вес яиц, г: 3.38, 3.31, 3.29, 3.25 и 3.07. Размеры яиц, мм: 22.9×16.3, 22.3×16.5, 22.1×16.9, 22.9×16.3 и 23.2×15.9.

Второе гнездо японского свиристеля было найдено 2 июля. Оно также было устроено у ствола на лиственнице в 8-10 м над землёй среди относительно молодого сорокалетнего лиственничного леса по склону пологого холма в долине реки. На гнезде прочно сидела птица, другая (самец?) на соседнем дереве часто издавала протяжное «цiiiи». Осмотреть это гнездо не удалось.

Характерно, что самка, добытая Шульпиным у озера Кизи 9 августа 1928, имела большое наседное пятно (Воробьёв 1954). Уже упоминавшаяся самка от 27 июня, доставленная К.А.Воробьеву из окрестностей Николаевска-на-Амуре, ещё не закончила кладки. Таким образом, сроки гнездования вида, вероятно, поздние и падают на конец июня и начало июля – время, когда у большинства птиц, населяющих эти же места, уже имеются слётки, а у некоторых даже вторые кладки. Интересны встречи стаяк в период, когда птицы определённо должны либо приступить к размножению, либо уже насиживать яйца или выкармливать птенцов. Такие стайки мы неоднократно наблюдали в июне у Экимчана, а К.А.Воробьёв – 26 июля в районе озера Эворон и реки Горин. Подобные явления характерны в период размножения и для обыкновенного свиристеля. Очевидно, часть популяции по каким-то причинам к гнездованию не приступает. О возрастном контингенте птиц из таких стаяк, к сожалению, ничего не известно.

По своим повадкам японский свиристель мало чем отличается от обыкновенного. Птицы обычно держатся в кроне деревьев и спускаются на землю только ради ягод. В июне они постоянно ловили насекомых на лету, подобно тому, как это делают и обыкновенные свиристели. По-видимому, птицы также поедают завязи семян осины. Е.Н.Панов (1973) наблюдал, как стайка кормилась застывшими капельками берёзового сока. В осенний и зимний период амурские свиристели, очевидно, питаются исключительно различными ягодами и плодами, которыми так богаты леса юга Дальнего Востока.

Л и т е р а т у р а

- Афанасьев А.В. 1934. Охотничий и промысловый промысел в районе хребта Дуссе-Алинь к северу от Дульниканского перевала // *Тр. Совета по изучению производительных сил АН СССР. Сер. ДальнеВост.* 2: 243-301.
- Баранчев Л.М. 1955. Биология зимующих птиц Верхнего Приамурья (Амурской области) // *Зап. Амур. обл. музея краеведения и общ-ва краеведов* 3: 130-199.
- Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.
- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.
- Кузякин А.П., Второв П.П. 1963. К ландшафтной орнитогеографии Охотской тайги // *Орнитология* 6: 184-194.
- Кулешова Л.В., Матюшин Е.М., Кузнецов Г.В. 1965. Орнитологический очерк хребта Хехцир (Приамурье) // *Орнитология* 7: 97-107.
- Лабзюк В.Н., Назаров Ю.Н., Нечаев В.А. 1971. Птицы островов северо-западной части залива Петра Великого // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока. Владивосток*: 52-78.

- Литвиненко Н. М., Шibaев Ю. В. 1965. О некоторых редких птицах Южного Приморья // *Орнитология* 7: 115-121.
- Литвиненко Н. М., Шibaев Ю. В. 1971. К орнитофауне Судзухинского заповедника и долины реки Судзухе // *Экология и фауна птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 127-186.
- Назаренко А. А. 1971. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.
- Панов Е. Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Спангенберг Е. П. 1960. О редких и интересных птицах среднего течения Хунгари и верхней Удоми // *Охрана природы и озеленение* 4: 135-143.
- Ткаченко М. Н. 1924. Распространение некоторых видов птиц по рекам: Нижней Тунгуске, Алдану и Мае // *Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва* 47: 127-137.
- Черский А. И. 1915. Орнитологическая коллекция музея Общества изучения Амурского края во Владивостоке // *Зап. Общ-ва изучения Амур. края* 14: 143-276.
- Шульпин Л. М. 1931. Поездка с орнитологической целью в область хребта Сихотэ-Алинь в 1928 году // *Изв. АН СССР. Сер. 7. 4*: 589-601.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1502: 4017-4019

Негативная роль сороки *Pica pica* в авифауне Алматы

Ф. Ф. Карпов

*Второе издание. Первая публикация в 2007**

До начала 1960-х годов сорока *Pica pica* в Алма-Ате не гнездилась и встречалась на территории города только на кормёжках в холодное время года – с октября по апрель. Первое гнездо сороки в городе было найдено в 1965 году на территории Ботанического сада (Бородихин 1968), однако примерно до начала 1980-х годов численность гнездящихся в городе птиц оставалась низкой. Только в последние два десятилетия XX века началось стремительное заселение сорокой большинства районов города. Она стала гнездиться уже не только в относительно тихих скверах и парках, но и на оживлённых центральных улицах, помещая свои гнёзда высоко на деревьях (Ковшарь, Лопатин 1988). Отмечено и заметное изменение в поведении сороки. Будучи раньше очень осторожной птицей, всячески избегающей соседства с человеком, сорока за короткое время становится синантропным видом. Для городской популяции сороки характерна очень высокая плотность гнездования (в Ботаническом саду до 75 гнёзд на 1 км²) (Ковшарь 1986). В

* Карпов Ф. Ф. 2007. Негативная роль сороки в авифауне Алматы // *Каз. орнитол. журн.* 2006: 207-208.

результате к началу 1990-х годов в отдельных районах города сорока стала обычной гнездящейся птицей.

Причин, по которым этот вид врановых стал гнездиться в городе, на наш взгляд, несколько. Одной из главных является сведение к минимуму боязни человека, очень свойственной сороке в недалёком прошлом. Это произошло в первую очередь из-за прекращения прямого преследования сорок. Владельцы домашней птицы в обширном частном секторе прежней Алма-Аты, дачники в ближайших окрестностях города, сороку не приветствовали. Уничтожением этих птиц как вредителей охотничьего хозяйства (в числе прочих врановых) занимались и охотничьи организации. Был и ещё один немаловажный момент, на первый взгляд кажущийся сейчас несерьёзным. Речь идёт о некогда вездесущих подростках с рогатками (а кто постарше и с ружьями), прочёсывающими окрестности города вдоль и поперёк. От них сильно доставалось сорокам (правда, к сожалению, не только им). Так было ещё 25-30 лет назад, и всё это вместе взятое заставляло сорок относиться к соседству с человеком с большой осторожностью.

В настоящее время, частный сектор сокращается с каждым днём, охотничьим организациям (если они ещё функционируют) – не до сорок. Интересы подрастающего поколения в корне изменились, с появлением многочисленных изобретений технического прогресса, компьютер почти полностью заменил для подавляющего большинства природу. Человек для сороки из врага превратился в нечто нейтральное. Если добавить к этому полное отсутствие в городе в гнездовой период естественных врагов сороки (филин *Bubo bubo*, крупные виды дневных хищных птиц), а также обилие здесь доступного корма (свалки, помойки), то путь к освоению ей городской территории был открыт.

Заселив город, сорока стала основным врагом птичьих гнёзд, причём если в первое время это касалось только территории Ботанического сада, её начального плацдарма в освоении города (Ковшарь, Пфедфер 1988), то по мере проникновения в другие части Алматы под её «всевидящее око» попали все открыто гнездящиеся птицы городских популяций. В первую очередь от сороки страдают: кольчатая *Streptopelia decaocto* и малая *S. senegalensis* горлицы, чёрный дрозд *Turdus merula* и зеленушка *Chloris chloris*. Отмечен случай разорения гнезда горной трясогузки *Motacilla cinerea*, расположенного на дереве. Достается от сороки и таким закрыто гнездящимся видам, как сизый голубь *Columba livia*, большая синица *Parus major* и скворец *Sturnus vulgaris*, у которых она успешно добывает птенцов. Разорение гнёзд у всех перечисленных видов подтверждается нашими прямыми наблюдениями, но нет никакого сомнения в том, что от сороки страдают и другие птицы, населяющие наш город. Сорока разоряет гнёзда городских птиц не от случая к случаю, а целенаправленно и умело выслеживая их место-

нахождение. Кроме того, эта сильная и агрессивная птица уничтожает не только яйца и птенцов в гнёздах, оставленных без присмотра, но и силой изгоняет их хозяев, не обращая внимания на отчаянные попытки последних защитить свои кладки или выводки. В заметном снижении за последние годы численности таких видов, как кольчатая горлица, чёрный дрозд и зеленушка, значительную роль сыграла именно сорока. В условиях Алматы, сорока – крайне нежелательный элемент городской авифауны. При своей высокой численности она наносит ощутимый ущерб наиболее ценным представителям наших птиц, оживляющим город своей привлекательной внешностью и красивым пением. Необходимо разработать эффективные методы по ограничению численности сороки, чтобы сделать её присутствие на территории города в гнездовое время минимальным.

Л и т е р а т у р а

- Бородихин И.Ф. 1968. *Птицы Алма-Аты*. Алма-Ата: 1-120.
- Ковшарь А.Ф., Пфеффер М.Г. 1988. Чёрный дрозд // *Позвоночные животные Алма-Аты (фауна, размещение, охрана)*. Алма-Ата: 117-132.
- Ковшарь В.А. 1986. Особенности экологии сороки в Ботаническом саду города Алма-Аты // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 300-301.
- Ковшарь В.А., Лопатин В.В. 1988. Сорока // *Позвоночные животные Алма-Аты (фауна, размещение, охрана)*. Алма-Ата: 144-148.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1502: 4019-4020

Встреча савки *Oxyura leucoserphala* в окрестностях Петропавловска

В.А. Ковшарь

Второе издание. Первая публикация в 2009*

Несмотря на то, что савка *Oxyura leucoserphala* включена в список птиц Северного Казахстана, конкретных данных о её распространении здесь мало. Поэтому нам представляется интересной встреча самки или молодой птицы на озере Казачье, расположенном в 30 км к северо-востоку от Петропавловска 31 августа 2008. Птица держалась отдельно от других водоплавающих (голубой чернети *Aythya ferina*, чомг *Podiceps cristatus*, лысух *Fulica atra*, лебедей-шипунув *Cygnus olor*; имеются фотографии). На следующий день на рассвете в связи с открытием

* Ковшарь В.А. 2009. Встреча савки в окрестностях Петропавловска // *Каз. орнитол. бюл.* 2008: 159.

охоты была открыта массированная стрельба. Больше савку увидеть не удалось, хотя среди охотничьих трофеев, которые удалось просмотреть, её тоже не было.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1502: 4020-4021

Случаи отлова желтолобой трясогузки *Motacilla lutea* и певчего сверчка *Locustella certhiola* на озере Чаны (юг Западной Сибири)

В.М. Чернышов

Второе издание. Первая публикация в 1998*

Желтолобая трясогузка *Motacilla lutea*. Озеро Чаны считается северо-восточным пределом распространения этого вида в Западной Сибири (Гладков 1954; Степанян 1990). За многолетний период исследований в этом районе (с 1972 по 1997 год) нами отмечена единственная особь желтолобой трясогузки. Взрослый самец на 7-й стадии полной послебрачной линьки (по: Носков, Гагинская 1972) отловлен паутинными сетями 18 июля 1990 на острове Черёмухов озера Чаны (Барабинский район Новосибирской области). Судя по окраске оперения головы (старые перья – светло-зелёного цвета), это была годовалая особь, вероятно гнездившаяся здесь же.

Певчий сверчок *Locustella certhiola*. В районе озера Чаны этот вид ранее отмечался только Г.Э.Иоганzenом (1908). Взрослый самец певчего сверчка, по-видимому – пролётный, отловлен нами 25 августа 1987 в тростниковых зарослях устья реки Каргат (окрестности деревни Широкая Курья Здвинского района Новосибирской области). У птицы заканчивалась линька первостепенных и третьестепенных маховых, рулевых, контурного оперения.

Л и т е р а т у р а

Гладков Н.А. 1954. Семейство трясогузковые Motacillidae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 594-691.

Иоганзен Г.Э. 1908. Материалы для орнитофауны степей Томского края // *Изв. Томск. ун-та* 30: 1-239.

Носков Г.А., Гагинская А.Р. 1972. К методике описания состояния линьки у птиц // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* 7: 3-86.

* Чернышов В.М. 1998. Случаи отлова желтолобой трясогузки и певчего сверчка на озере Чаны (юг Западной Сибири) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 223.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2017, Том 26, Экспресс-выпуск 1502: 4021

Зимняя инвазия рябинника *Turdus pilaris* в Новосибирске

В.С.Жуков, Ю.В.Бобков, Ю.С.Равкин

*Второе издание. Первая публикация в 1997**

Необычайно большое количество рябинников *Turdus pilaris* отмечено в Новосибирске в феврале и начале марта 1995 года. В ноябре и декабре 1994 и январе 1995 года встречались ещё немногочисленные птицы, а в феврале их количество было огромным. Только при случайных встречах отмечено в феврале более 4200 и в марте около 200 птиц (без пересчёта на площадь). Кроме того, в феврале в учёт попало 1750 птиц. Ранее столь высокой численности рябинников на зимовке в Новосибирске и Академгородке не наблюдали (Цыбулин 1985; Козлов 1988). Максимальная численность рябинников отмечена 11 февраля в Затугулинском жилом массиве (левый берег Оби, 5-9-этажная застройка 1960-1990-х годов), когда видели стаю примерно в 2500 птиц, перемещавшуюся в северо-западном направлении. В Академгородке 11 и 18 февраля обилие рябинника составило в среднем 5894 особей на 1 км². Большое количество рябинников в эти дни было также в Юго-Западном жилом массиве (5-9-этажная застройка 1970-1990-х годов). Последние крупные стаи примерно по 100 особей отмечались 3-5 марта в районах индивидуальной застройки, где ещё оставались запасы ягод. Последние одиночные рябинники отмечены 12 марта.

Литература

Козлов Н.А. 1988. *Птицы Новосибирска*. Новосибирск: 1-158.

Цыбулин С.М. 1985. *Птицы диффузного города (на примере Новосибирского Академгородка)*. Новосибирск: 1-169.

* Жуков В.С., Бобков Ю.В., Равкин Ю.С. 1997. Зимняя инвазия рябинника в Новосибирске // *Материалы по распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 68.